

В воздухе сгустился тяжёлый запах горячительного пойла, а на деревянный потолок и взглянуть было страшно — тот был почти чёрным от копоти свечей, загрязнений из кухни и ещё Натсияян знает чего. Народ однако вовсе не смущался подобных мелочей, и одна из самых крупных харчевен Елдоброграда сегодня, как и обычно, была полна. Местные были народом горячим, любили большую компанию да долгие крикливые разговоры, а коли до драки доходило — хорошо посидели, значит, душевно.

Делегация из священного города Гелиограда без особых происшествий миновала Зельце и находилась теперь в последнем пункте своего маршрута, прежде чем вернуться домой. Фима плохо понимал разницу между этими пёстрыми городами, каждый из которых был сам по себе, независим и строптив — слишком они были не похожи на Флипсию. Незнание расстраивало и пугало, особенно если оглянуться вокруг — каждый знал, куда идёт, и что нужно сделать, чтобы всё же прийти, куда задумал.

Фиме было обидно. Он сделал почти невозможное для своего счастья — сбежал из Флипсии, и это было, пожалуй, единственное, о чём он не жалел в своей жизни. Он старался изо всех сил, но едва ли что-то налаживалось. Другие паяцы и скоморохи, прибыв обратно в Гелиоград, вернутся к своим насиженным местам или отправятся протоптанной дорогой дальше — Фима же совершенно не представлял, что он будет делать после Солнцестояния. При всей своей внешней скромности он знал, что ничуть не хуже большинства своих певчих спутников. И отчего же тогда он стоит на пороге бродяжничества?

Проклиная мир со слезами на глазах, Фима, впрочем, не оставлял попыток устроиться. Потому ещё днём он наведёлся в большую местную харчевню и договорился с хозяином о выступлении, а теперь в кладовке настраивал лафину. Шум из зала даже здесь был существенный, и Фиме едва удавалось услышать, как звучат струны.

— Ну что, приготовился? — хозяин, невысокий коренастый мужичок уже преклонных лет, распахнул дверь кладовки. Фима зажмурился от ударившего в глаза света. — Идем.

Фима попытался было направиться прямо в зал, но хозяин удержал его за локоть и указал на кухню — через неё пролегал выход в зал для артистов. В кухне стоял гвалт не меньший, чем среди посетителей, да ещё прибавился грохот кастрюль, шипение жарящейся еды и прочий производственный шум. Разнообразнее и интенсивнее были и запахи. Жители Елдоброграда обладали какой-то нездоровой любовью к специям, ничего подобного ни в Градомудрище, ни в Зельце Фима не встречал, и ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание от обилия ощущений. Однако хозяин бойко проталкивал его между суесящимися поварами и кипящими котлами прямо к невзрачной тёмной двери.

Два шага — и Фима оказался в общем зале, стоя на отгороженной деревянной возвышенности, служившей местной сценой. Как только он вышел, крики и громкие разговоры немного поутихли — оно и немудрено — не заметить лафиниста было сложно. Среди пёстро одетых горожан, потемневшей от времени мебели, ярких ковров и желтушных фонарей он смотрелся белёсым недозревшим плодом.

Завоевав какую-то долю внимания, Фима ободрился. Он стал наигрывать мелодию. Музыка его на сей раз была задумчивой и светлой. Он решил исполнить песню, которая принесла ему некоторый успех в Зельце. Преисполнившись решительности покорять новые высоты, он сложил стихи на вавуранском — едином языке, на котором говорили жители Благословлённых земель. Тему для песни флипсианец выбрал хитро — сложил прославляющую оду о богине и только менял её имя в зависимости от того, в каком городе приходилось выступать. Несмотря на то, что словарного запаса у Фимы катастрофически

не хватало, он, следуя позыву тонкой своей поэтической души, решил вложить в свои кривоватые строки красочные метафоры и неоднозначные смыслы.

И если в Зельце слушатели почему-то добродушно рассмеялись, услышав глубокомысленную оду, то нынче Фиму ждала совсем иная реакция:

— Э, ты там совсем обалдел?! — Раздался пьяный рёв из-за одного из столиков. Следом послышался ропот других посетителей, разделявших, похоже, мнение своего глашатая.

Фима пока ещё не обалдел, поэтому, согласно первому золотому правилу скомороха, останавливаться не стал. Только немного стушевался и незаметно перешёл на проигрыш. Подняв голову, он увидел шагавшего к нему мужчину. Тот тяжело шагал между столиками, каким-то чудом не разнося их, покачиваясь на неверных ногах. Дело принимало скверный оборот, и Фима не знал, что предпринять.

— Вздумал на защитницу нашу наговаривать?

Фима запнулся в исполнении только когда его недоброжелатель забрался на деревянный помост и оказался совсем близко. Уже в следующее мгновение могучий удар в лицо заставил его отшатнуться на пару шагов. Не издав ни звука, он прижал к себе лафину, испугавшись в первую очередь за свой инструмент. Он поднял голову, и не попавшим под удар глазом успел разглядеть, как из зала подорвались ещё несколько человек, не то, чтобы оттащить дебошира, не то, чтобы помочь добить Фиму. Почти сразу всё тот же мужик одним пинком повалил его на пол. На несколько секунд Фима потерялся в острой боли, но доносившиеся до него возня и крики давали понять, что напавшего пытаются утихомирить и, кажется, обезвредили. Фима попытался осторожно подняться, но недовольный его песней совершил последний отчаянный рывок и сумел ударить его ботинком в лицо.

Теперь возмущенный ропот обратился на дебошира, и его удержали крепче. Поднялся ужасный шум. Вздорить между собой стали те, кто только что дружно оттаскивал мужика, кто-то кричал на Фиму, иные очень громко вслух высказали свое мнение на этот счёт.

— Шёл бы ты отсюда. — Угрюмо сказал хозяин харчевни Фиме.

Спорить причин не нашлось. Не помня себя, он вышел прочь из харчевни. Пройдя по прохладной тёмной улице, Фима вдруг понял, как сильно болит у него бок, на который пришелся удар. Поморщившись, он сел на землю, облокотившись на стену ближайшего дома. Теперь обнаружилось ещё и что он не мог пошевелить ни одним мускулом на лице без желания вскрикнуть. Он осмотрел лафину и окончательно обессилел — в корпусе инструмента была пугающая трещина.

— Сумасшедшие... — прошептал Фима. В его голове всё ещё звенело от криков в харчевне.

Он почувствовал что-то мокрое на лице. Подумав, что это слёзы, он небрежно вытер лицо тыльной стороной ладони, но, глянув на руку, даже вздрогнул — пальцы были в крови. Как ни странно, несмотря на невыносимую тупую тяжесть обиды в груди, Фима просто не мог заплакать. Он глядел перед собой минут пять, позволив дрожи охватить тело. Однако боль не утихала, скорее наоборот, поэтому Фима встал, бережно подобрал лафину, словно та была живым существом, а трещина при должной заботе затянется сама.

Дорога была одна — к ану начальнику делегации, тем более, что Фима и без того должен был зайти к Коловрату позднее, помочь с отчетностью. Благодаря постоянным путешествиям и трудному побегу из Флипсии, где на кону прозаично стояла жизнь, Фима прекрасно ориентировался на малознакомой местности и, почти не задумываясь, добрался до палат, где была размещена делегация.

Летняя ночь была до несправедливого холодной, так что, зайдя в помещение, Фима застонал, не веря своему счастью. Путь до покоев Коловрата он знал лучше, чем до своих. Постучавшись, он услышал голос, приглушённый тяжёлой дубовой дверью, буднично разрешавший войти.

— Вечер... — нерешительно пробормотал он.

Коловрат обнаружился за добротным, но очень старым письменным столом. Он убрал какие-то бумаги в саквояж и обернулся. Наткнувшись глазами на Фиму, он тут же изменился в лице:

— Светлейший Тефлиос... что с тобой произошло?

— Я пела, — Фима запнулся, вдруг забыв слова, которыми мог бы объяснить случившееся. Но одну фразу он помнил наизусть без ошибок. — И им не понравилось.

— Тебя позвали выступать, правильно? — Коловрат тяжело вздохнул. Фиму было куда проще понять по глазам, чем разговаривая с ним. — А потом избили?

— Да! Я не знаю... потому что пела не на флипсианский, кажется.

— Ты спел местную песню и перепутал все слова?

— Н-нет. Я сам написала слова.

Коловрат уставился на него с изумлением. Наверное, он просто сказал не то, что имел в виду. Не стал бы ведь в самом деле человек, который едва может связать два слова на чужом языке, вдруг писать на нем же песню?

— А ещё... мне лафину сломан. — Пожаловавшись на неприятности, Фима почувствовал, что теперь слёзы подступают бесповоротно.

— Положи на стол. Починят.

Внешний вид Фимы не очень располагал к задушевной беседе — на его бледной коже особенно хорошо была заметна грязь и ссадины, а на белые, почти прозрачные волосы, перепачканные кровью, и смотреть не хотелось.

— Надо бы тебе умыться. Только не в палатах, а то всех распугаешь, и ещё сплетни разные пойдут. Знаешь что, иди по коридору налево, к чёрному ходу. Сверни за угол, немного пройди и выйдешь к ручью. Там приведи себя в порядок и возвращайся. Всё понял?

Дело было не только в возможных слухах среди скоморохов. Елдоброград был одним из ближайших соседей Гелиограда. И, как это бывает у соседствующих краёв, эти города имели многочисленные связи и богатейшую совместную историю — и как союзники, и как враги. Будучи дипломатом, Коловрат терпеть не мог шумный Елдоброград, где случайный промах мог напомнить о старых обидах и спровоцировать конфликт. Поэтому лучше пока никому не знать об избиении Фимы. Ну, а если выяснится, что беднягу поколотили ни за что ни про что, то на роль обиженных встать уже может делегация Коловрата.

Ледяная вода из родника не только смыла кровь и грязь, но даже немного сняла боль в разбитом лице. Сколько Фима ни путешествовал в составе скоморохов, а всё никак не мог привыкнуть к тому, в каких красивых зданиях им всегда предоставляли располагаться. Возвращаясь по тёмным коридорам, он рассматривал дверные косяки с изысканной резьбой и потолки, сдержанно расписанные угловатыми

ветвями и листьями. Скоро всё это гостеприимство может легко закончиться, какие тогда стены будут окружать Фиму? Стены ли? Задумавшись, он едва не врезался в спешившую куда-то скоморошку.

— Пахать мне в полудень! — воскликнула она, разглядев его изувеченную физиономию. — Как же ты это?

— Так произошло. — Фима пожал плечами. Попытаться объяснить что-то Коловрату ещё куда ни шло, но сносно выразиться перед внезапно выскочившей далеко не близкой знакомой представлялось невозможным. — Я иди... — он попытался поскорее уйти, но девица явно была настроена на беседу.

— Ох, ничего себе! — Скоморошка допрашивать не стала и быстро перевела тему. — А я, Тима, тебя искала! Очень нужна помощь. Я должна была спеть в «Сизом маке» через десяток дней по приезде в Гелиоград, а недавно мне пришло письмо из дому. В этот день сестра моя замуж выходит, разве можно мне это пропустить? Вот и я считаю, что нельзя! Это же кровь моя, ближе неё нет у меня подруги! Ведь так, Тима?

Говорила она очень быстро, да так, что Фима половины слов не понимал. Своё видоизмененное имя он оставил без комментариев — в конце концов, сам он даже приблизительно не помнил, как зовут его собеседницу.

— Ты хотите что-то? — мрачно спросил он. Голова раскалывалась, и пытаться вникнуть в её слова не было сил.

— Да! Развлечешь народ? Прошу, больше некому! — Лицо её приняло крайне взволнованное выражение, а глаза обратились к Фиме со столь сильным чувством, что тот смущённо потупился. — Заплатят хорошо!

— Меня? Я спеть... конечно.

Фима с готовностью согласился. Он бы охотно напросился на лишнее выступление, а тут сами предлагают. Скоморошка просияла, облегчённо улынулась и горячо поблагодарила его.

— Знаешь, где «Сизый мак» находится? — спросила она, но Фима помотал головой. — О, его все знают, спроси любого, дорогу укажут! Ещё раз спасибо, Тима, ты настоящий друг!

И хотя скорее нужно было радоваться, но очередной за сегодняшний день виток его карьеры и социальной жизни встревожил Фиму. Когда тебе бьют лицо, хочешь не хочешь, а доверие к миру теряется. И встреча со скоморошкой только озадачила его.

Впрочем, побег из родного края вынудил Фиму раз за разом доверяться людям, которых он едва знал, потому что иного выбора просто не было. Одним из таких людей был и Коловрат. Его недолюбливали в его же собственном окружении. Было ли за что? Ничего особенно страшного в его поведении в глаза не бросалось, но и Фима не разбирался в тонкостях его работы и не завёл достаточно близких знакомых, чтобы наслушаться сплетен. Поэтому, как бы настороженно он не пытался относиться к Коловрату, он поймал себя на том, что ему стало чуть спокойнее, когда он вернулся в покои ана начальника делегации.

— Кости целы?

Коловрат был на прежнем месте, но теперь в его руках были серебряный кинжал и наждак, которым он затачивал лезвие. Впереди предстояла дорога домой, а выезжать в путь без оружия даже в такой

внушительной компании, как дипломатическая делегация — было, мягко говоря, опрометчиво. Дороги были самым опасным местом на просторах Благословлённых земель. Их охраняли жрецы Дрома, бога ветров и покровителя путешественников. Но тех была пара десятков против пропасти разбойников. Торговцы со своим ценным грузом были желанной добычей, потому извозчиками становились либо настоящие богатыри, способные потягаться сразу с несколькими противниками, либо совсем отчаявшиеся люди, которые за большую сумму были готовы рискнуть жизнью. Завелось так, что коли экипаж задерживался больше, чем на десять дней, то всех его пассажиров можно было считать мертвыми.

— Да.

— Уже неплохо. Местные большие любители кулаками помахать. — Проворчал он и на секунду оторвался от работы, чтобы обратиться к Фиме. — Садись. А теперь потрудись рассказать всё подробнее.

Потрудиться действительно пришлось. Фима сел в тёмное кресло, обитое какой-то пушистой тканью, и призвал весь свой словарный запас, чтобы его можно было понять. К тому же, Коловрат потребовал воспроизвести текст его песни, что Фиму, как артиста, сильно смутило.

— Богиню зовут не Аферия, а Афоберия. За одно это тебе уже могло прилететь. Не говоря уже о том, что она хозяйка воды, а не земли. — Покачал головой Коловрат.

Значит, бедолага сам был виноват, что его поколотили. Задеть честь богини — это серьёзное дело. Поэтому произошедшее останется в стенах елдоброградской харчевни и этих покоев. Чтобы Фиму не пришибли в ближайшее время, надо было провести ему краткую лекцию.

— Но ведь она плодородия. — Непонимающе возразил Фима.

— Хозяйке земли поклоняются в Зельце. Над тобой потому там только посмеялись. Роя и Афоберия обе есть богини любви и плодородия, но они разные, и их почитатели очень ревностно стерегут эти различия. Роя — мать земли, она помогает в течение жизни, в размеренном росте, взрослении, старении. Афоберия же мать воды и её надел — это рождение, смерть, зачатие и все переломные моменты жизни. Роя покровительствует тем, кто стремится сохранить гармонию и спокойное течение жизни, а Афоберия безумцам, влюбленным во что-то до беспамятства. — Коловрат легко объяснял истины, заученные ещё в детстве. — Теперь понимаешь?

— Да, но... — Фима задумался. — Разве бывает, чтобы две богини любви и плодородия?

— Конечно бывает, они ведь матери всего живого. В незапамятные времена, соединившись в порыве любви, они породили первую жизнь. Это и сейчас работает: если где-то есть земля и вода, значит, там есть и жизнь. — За разъяснением прописных истин Коловрат чуть было не забыл сказать о самом главном. — Ты бы пел на флипсианском, и не было бы беды. Да и всё, что кому-то покажется неправильным из твоих уст, касаясь богов, без внимания не останется. Ревностные все очень. Ведь у кого в жизни крах сплошной, имеют только один выход — бегут в церковь и, если до бога домолиться удалось, то и наладится всё. Всё только на богах держится.

— Как странно. — Растерянно ответил Фима, пригорюнившись. — А правда работает?

— Да. У меня не получалось, но я видел, как это бывает у других. — Коловрат отвёл взгляд. — Во Флипсии иначе?

— Совсем. Нас бог на прочность пытаю. — Фима поёжился будто от холода, хотя давно уже согрелся. Несмотря на классовую пропасть, между ним и Коловратом обнаруживалось всё больше общего: оба явно хотели избежать разговора о богах, обоим было трудно завести приятных знакомых, не говоря уже о друзьях. — Я рад, что бежала оттуда.

Установившаяся тишина не имела в себе той колючей неловкости, которая образуется, когда разговор обрывается будто на середине. Слова Фимы об их местном жестоком боге вполне совпадали с тем, что Коловрат слушал в свое время на уроках, поэтому не стал расспрашивать, к тому же сам флипсианец так затравлено отвёл несчастные красные глаза, что было прекрасно видно — о родине он вспоминать не хочет. Коловрат продолжил натачивать кинжал, а затем вдруг усмехнулся:

— Чего ты про себя будто девица говоришь? “Бежала”, “пела”? Говори, как следует, ты ведь из мужиков.

— О, нет-нет! — он отрицательно замахал руками, — я ещё вовсе не мужиков.

— Как это? — Коловрата забавляло, как разговоры с этим странным человеком принимали иногда самые неожиданные обороты.

— Я... никогда не было, чтобы женщина и я. Вы понимаете? Не нравлюсь, и лицо моё не для глаза.

— Некрасивое, хочешь сказать? — В лице Фимы явного уродства не было, разве что во Флипсии считались страшными изъянами длинноватый нос, широкий рот или выдающаяся бледнота. — Тут уж барышни так решили. — Пожал плечами Коловрат. — Так это что, у вас там девственники за мужчин не считаются? Любопытно. У нас не так — каждый пятый держит обет неприкосновения, особенно жрецы и помазанники, но от того ничем не хуже других. Так что не вводи людей в заблуждение: как родился, так и говори.

— Да. — Фима вздохнул. — Просто... это сложно всё.

В кабинете воцарилась блаженная тишина. После адища, пройденного в харчевне, Фима и представить не мог, что, оказывается, для успокоения нужно так мало.

Вместо ответа Коловрат только понимающе кивнул. Он отложил в сторону наждак, попробовал лезвие рукой и порезал ладонь.